

Соваков Борис Николаевич

О НЕКОТОРЫХ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ В "ГЕРМЕНЕВТИКЕ" Г. ШПЕТА

В статье предлагается аналитический обзор понятийно-категориального содержания метода герменевтики, каким его видел и трактовал выдающийся русский философ Г. Г. Шпет, показана актуальность работ этого мыслителя в общем контексте русской философии начала XX века для решения задач современной философской и филологической герменевтики.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/3-1/45.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 3 (17): в 2-х ч. Ч. I. С. 167-171. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. Берсенева В. Г. 150 лет русского судоходства на Амуре. Комсомольск-на-Амуре, 2005. 560 с.
2. Булавко А. М. Деятельность российской администрации по организации охраны дальневосточной границы казачьими войсками во второй половине XIX – начале XX в. // Четвёртые Гродековские чтения: материалы регион. науч.-практ. конф. «Приамурье в историко-культурном и естественно-научном контексте России» (Хабаровск, 20-21 апр. 2004 г.). Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н. И. Гродекова, 2004. Ч. 1. С. 15-19.
3. Вишняков О. В. Пограничники в вооружённых конфликтах на Дальнем Востоке: конец XIX – начало XX в. // Россия и АТР. 2006. № 4. С. 57-70.
4. Высочайше утверждённое Временное положение об Амурско-Уссурийской казачьей флотилии (28 октября 1902 г.) // Дальний Восток России в материалах законодательства: 1900-1902 гг. Владивосток: Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, 2006. 340 с.
5. Голубцов Н. З. Военные события прошлого лета на Амуре. Благовещенск: Тип. «Амур. газ.» А. В. Кирхнера, 1901. 29 с.
6. Государственный архив Амурской области (ГАОО). Ф. Р-988. Оп. 1.
7. Григорьев В. В. И корабли штурмовали Берлин. М.: Воениздат, 1984. 253 с.
8. Дальний Восток России в период революций 1917 года и Гражданской войны. Владивосток: Дальнаука, 2003. 632 с.
9. Машканцев П. Г. Амурское направление // Амурцы на защите рубежей Отечества: воспоминания ветеранов Краснознамённой Амурской флотилии. М.: Орлов и сын, 1996. С. 160-174.
10. Панаев П. К десятилетию Амурской речной флотилии. Петроград: Тип. Морского мин-ва, 1917. 74 с.
11. Рудаков И. С. Амурская речная флотилия // Россия и АТР. 2008. № 3. С. 5-13.
12. Сергеев О. И. Из истории казачьей службы на реках Дальнего Востока // Российский флот на Тихом океане: история и современность: материалы Тихоокеанской конференции, посвящённой 300-летию Российского флота. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1996. Вып. 1. История Тихоокеанского флота. С. 56-60.
13. Сергеев О. И. Первый командир Амурско-Уссурийской казачьей флотилии // Дорохинские чтения: сб. науч. статей. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2009. Вып. 3. С. 88-92.
14. Смирнов И. История образования Амурской речной флотилии // Морской сборник. 2010. Т. 1960. № 7. С. 75-82.
15. Сухачёва Г. А. Историки о борьбе с хунхузами в период восстания ихэтуаней // Россия и АТР. 2009. № 3. С. 11-17.
16. Черников И. И. Плавбатареи Амурской флотилии // Судостроение. 2004. № 3. С. 75-77.

AMUR RIVER FLOTILLA CREATION**Artur Viktorovich Smykovskii***Department of History**Blagoveshchensk State Pedagogical University**asmikovsky@yahoo.com*

The author describes the process of Amur river flotilla creation, which played the key role in defense capability strengthening of the Russian borders in the Far East, positively estimates the complex of government measures to maintain security in the Amur basin, covers in detail military transport construction stages on the Amur, and characterizes flotilla activity on the eve and during World War I.

Key words and phrases: Amur river region; Amur river flotilla; Amur basin; gunboat.

УДК 1(091)(470)

В статье предлагается аналитический обзор понятийно-категориального содержания метода герменевтики, каким его видел и трактовал выдающийся русский философ Г. Г. Шпет, показана актуальность работ этого мыслителя в общем контексте русской философии начала XX века для решения задач современной философской и филологической герменевтики.

Ключевые слова и фразы: философия; филология; герменевтика; субстанциальность; понимание; интерпретация; толкование.

Борис Николаевич Соваков, к. филол. н., доцент

*Кафедра гуманитарных и социальных дисциплин**Российская правовая академия Минюста РФ (филиал) в г. Калуге**bsovakov@mail.ru***О НЕКОТОРЫХ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ В «ГЕРМЕНЕВТИКЕ» Г. ШПЕТА[©]**

Герменевтика как метод понимания смысла, имея практически трехтысячелетнюю историю, вновь обращает на себя внимание мыслителей в начале-середине XX века, в частности, со становлением и растущим влиянием аналитической философии. В конце XX – начале XXI века это внимание становится особенно пристальным, что

объясняется мощными перестроечными тенденциями в духовной жизни человечества. При этом отсутствие стройного целостного понимания самого герменевтического метода так же остается заметным пробелом. Можно сказать, что гносеология герменевтики по-прежнему ставит больше вопросов, чем обретает ответов.

К сожалению, весьма объемная монография выдающегося русского философа Г. Г. Шпета «Герменевтика и ее проблемы», вышедшая в Петрограде в 1918 году, остается знакомой сравнительно узкому кругу исследователей. Это весьма досадно, поскольку Г. Г. Шпет дает не просто подробный обзор компонентов метода герменевтики, но и педантично рассматривает их толкование в европейской философии в ходе двух тысячелетий. Однако возьмем на себя смелость утверждать, что монография Г. Г. Шпета представляет собой скорее энциклопедическое, нежели проблемно-аналитическое изложение. При всей подробности своей гносеологии Г. Г. Шпет очень осторожен в выводах, делать принципиально важные выводы он избегает. Это вызывает необходимость переосмысления трудов Г. Г. Шпета как для того, чтобы определить содержательные границы его рассуждений, так и для того, чтобы современная философская мысль могла творчески их преодолеть.

На страницах работ русских мыслителей начала XX века герменевтика упоминается сравнительно редко, но вопрос о понимании, его онтологии и гносеологии является, без преувеличения, краеугольным для русской философии. При этом речь идет как о субстанции понимания, так и о его телеологии как «понимания чего-то». Уже В. В. Розанов в своей монографии «О понимании» ставит вопрос о насущной необходимости создания методологического комплекса, который позволил бы адекватно толковать содержание исторической науки как «учения о достигнутом» [4, с. 597-613]. Эту цель ставил перед собой Г. Г. Шпет, намеревавшийся философски обосновать целостный подход к пониманию истории и расценивавший свое исследование герменевтики лишь как подготовительную задачу. Г. Г. Шпет трактует герменевтику как наукообразную дисциплину, и ее цель он связывает непосредственно с исторической наукой. Важность этого направления принципиально определена В. В. Розановым: «История есть учение о мире человеческом, учение о достигнутом как о высшей форме деятельности человеческого духа, отраженного в ходе всемирного процесса развития человечества» [Там же, с. 514].

Остановимся на ключевых аспектах работы Г. Г. Шпета. Он констатирует: из существа вопросов герменевтики понятно, что они должны были возникнуть там, где зарождается желание отдать себе сознательный отчет в роли слова как знака сообщения [6, с. 231]. В этом русле рассуждения косвенно ставился вопрос о происхождении языка и слова уже у древних греков. Обдумывая поэзию Гомера, они поднимали вопрос о роли и важности логики и грамматики, об интерпретации, и их наработки стали системообразующими для всей дальнейшей истории герменевтики как культурно-методологической традиции феномена понимания.

В третьем веке до нашей эры происходит ориентация на религиозные тексты. С наступлением эпохи эллинистической образованности два ее центра, Пергам и Александрия, представляли два развитых направления в герменевтике – аналогистов и аномалистов. Так, александрийская школа тяготела к аллегорическому истолкованию Священного Писания. Возникшая к концу III века антиохийская школа выдвигала толкование дословное – грамматическое и историческое (позже выдающимся представителем этой школы стал св. Иоанн Златоуст). Различие этих двух направлений можно констатировать вплоть до нашего времени; оно оформилось в трех подходах: 1) безгранично произвольном (традиция Оригена, Августина, Григория Великого); 2) «рабски» связанном (Альберт Великий и Фома Аквинский); 3) правомерно свободном (Эразм, Эрнест) [Там же, с. 232]. Г. Г. Шпет отмечает недостаток этой классификации в том, что она руководствовалась оценочным подходом, а не принципиальными основаниями.

Г. Г. Шпет не проводит подробный анализ герменевтики в античном мире (эта тема исчерпывающе разработана С. Н. Трубецким [5]), но показывает, что как целостный методологический подход герменевтика сложилась в период становления христианства. Крупнейшие философы, Отцы Церкви, прибегали к разным классификациям смысла, к которому предполагалось выйти читателю. Так, блаженный Иероним усматривал исторический, тропологический и духовный смыслы текстов; Григорий Великий – исторический, типический и моральный; св. Фома – смысл буквальный, или исторический, и три духовных смысла, составляющих значение самих предметов, названных в словах – аллегорический, вытекающий из него моральный и анагогический (относящийся к предметам вечной славы). Бонавентура насчитывал семь смыслов, согласно семи печатям Апокалипсиса.

Г. Г. Шпет высказывается за допущение нескольких смыслов в словах и выражениях: ведь понятие смысла в данных классификациях предполагается или как нечто предметно-объективное, или психологически-субъективное. В первом случае слово как знак, подлежащий истолкованию, указывает на «вещь», предмет и объективные отношения между вещами. Первые попытки теоретического оправдания приемов герменевтики он находит у сторонников многозначной интерпретации (Ориген, четвертая книга «О началах»).

Ориген различал три смысла в Писании – 1) обычный, или исторический; 2) душу Писания и 3) Дух [6, с. 236-238]. Смысл текста в своей онтологии подобен человеку, состоящему из тела, души и духа. Субстанция «понимание» являет себя через действие этого сходства; «по этой причине божественная премудрость позаботилась, чтобы в историческом смысле были некоторые пробелы», оставляя в них нечто неявно данное, как некий простор для осознания своего непонимания читателем [Там же, с. 236].

Г. Г. Шпет отмечает принципиальную важность вклада св. Августина, который, пишет он, по сей день остался не осмыслен ни философией, ни, в частности, логикой. Вклад Августина принципиально важен для усмотрения и онтологии, и гносеологии субстанции «понимание». Всякое учение, утверждает св. Августин,

относится или к вещам, или к знакам, но вещи изучаются через посредство знаков. В собственном смысле вещь он называет то, что не применяется для обозначения чего-либо другого; знак же есть вещь, которая не только сообщает свой вид чувствам, но и вводит с собою что-нибудь в мышление. Наука поэтому должна признать возможность за всяким знаком иметь несколько значений или смыслов.

Рассмотрев взгляды св. Августина, Г. Г. Шпет формулирует первую и самую древнюю проблему герменевтики, не потерявшую свое значение по сей день: изучение знаков как знаков (т.е. того, что имеет значение) и значений как таковых, т.е. того, что имеет значение; наряду с этим необходимо усматривать, исчерпывается ли этими двумя видами изучение знаков. Проблема понимания на этом уровне выглядит как переход от знака к значению [Там же, с. 237].

Далее вся фундаментальная работа Г. Г. Шпета «Герменевтика и ее проблемы», при всем ее широчайшем спектре проблематики, в конечном итоге сводится к двум вопросам, ставшим принципиально важными для европейской герменевтики. Это: 1) знак, значение и смысл; 2) типы интерпретации. Эти типы определяют роль и место интерпретации в разворачивании понимания, но они получают некое вспомогательное, техническое значение, как и проблема психологизма в понимании, возврат к филологии в конце XVIII века, выход на первое место психологии и т.д.

После эллинской и христианской античности, задавших парадигмы герменевтики, и европейского Средневековья, интерпретировавшего их, Г. Г. Шпет рассматривает, как разворачивалось понимание метода герменевтики в Новое время до XIX века включительно. Это Ф. Меланхтон, М. Лютер и Флаций в период Реформации; XVII век – Г. В. Лейбниц, Т. Гоббс и Дж. Локк; XVIII век – К. Расмус, Д. Юм, Кэмпбелл, Т. Рид, Дж. Гаррис и лорд Монбоддо, Х. Вольф и Г. Ф. Мейер, И. А. Эрнести, И. Гердер и И. Гаман. XIX век представлен у Г. Г. Шпета подробным разбором и критическим анализом трудов Ф. Д. Э. Шлейермахера и Ф. Аста, а также А. Бека, Х. Штейнталя, И. Г. Дройзена, Э. Бернгейма, К. Прантля, В. Дильтея, А. С. Лаппо-Данилевского.

В целом содержание анализа, проводимого Г. Г. Шпетом, таково:

1. XVI-XVII века: начало Нового времени и формирование научных дисциплин в их современном виде. Относительно герменевтики происходит замена авторитета Церкви авторитетом логики, возрастает роль филологии как научной дисциплины. Но исследование заходит в тупик из-за слабости филологического подхода. Герменевтика преимущественно трактуется философией и науками, которые заметно теснят филологию.

2. XVIII век – филология возвращается на подобающее ей место в рассмотрении герменевтического метода, но основной интерес филологии направлен не на герменевтику, а на другие вопросы – происхождение языка; язык, личность и общество; социальное и историческое в языке и т.д. Возрастающий интерес к личности приводит к появлению «вредного для дела психологизма» (*тезис Г. Г. Шпета*).

3. XIX век. Научные дисциплины уже имеют значительные наработки и продуманный философский базис, однако «психологизм» остается. Заметно слабеют философские подходы из-за намечающегося кризиса европейской идеалистической философии, пережившей свой расцвет в конце XVIII – первой половине XIX века. Европейская мысль рисует герменевтику в виде ряда очень схожих между собой научно-философских доктрин, различающихся, как нам представляется (Г. Г. Шпет этих выводов не делает), лишь разной степенью психологизма, выраженностью филологического аспекта и традиции.

На понятии традиции изучения вопросов герменевтики следует заострить внимание. Так, еще в эпоху Реформации Флаций Иллирийский ставит во главу угла герменевтики понимание каждой отдельной части из контекста целого. Этот принцип, заметим, остается важнейшим по сей день. Сводя интерпретацию к двум типам – грамматическому и реальному, Флаций дает классификацию *типов* понимания. Первый тип – тот, посредством которого читатель понимает отдельные слова и звуки (что современная филологическая герменевтика называет семантизирующим пониманием); второй – посредством которого понимают смысл речи, состоящей из слов; третий тип понимания есть тот, посредством которого понимается дух говорящего. Духом Флаций именуется разум, мысль, замысел и намерение говорящего [Там же, с. 243].

Можно смело сделать важное обобщение (отсутствующее в тексте Г. Г. Шпета): классификация типов интерпретации так или иначе связана с классификацией типов понимания в зависимости от того, какой тип понимания усматривается. У всех исследователей интерпретация вторична по отношению к пониманию (что, вообще-то, есть лишь требование здравого смысла).

Рассмотрим, например, типологию понимания по Ф. Асту, которую Г. Г. Шпет оценивает положительно. Понимание оказывается трояким: 1) историческим по отношению к содержанию произведения; 2) грамматическим по отношению к форме или языку и 3) духовным по отношению к духу отдельного писателя. При этом роль интерпретации остается важнейшей: буква есть тело духа, смысл – его провозвестник, сам дух – истинная жизнь [7, с. 237]. Герменевтика буквы есть изъяснение отдельных слов и событий; герменевтика смысла – изъяснение значения их в связи с содержанием конкретного текста, и она основывается на проникновении в гений писателя; герменевтика духа есть изъяснение их высшего отношения к идее целого, где отдельное разрешается в единстве целого. Заметим, что Ф. Аст здесь прибегает к диалектике, не именуя ее прямо; тем не менее, продуктивность сделанного вывода основывается именно на грамотном применении метода диалектики.

Но у Ф. Аста, по мнению Г. Г. Шпета, нет различия между интерпретацией как актом познания (интерпретацией для себя) и как процессом, совершаемым для другого, т.е. интерпретацией как методом логического изложения. Заметим, что и далее этот вопрос по-разному будет решаться в зависимости от того,

какая научная дисциплина (филология, культурология, психология) за него возьмется, и при этом останется нерешенным трудный вопрос непротиворечивого согласования между собой полученных результатов хотя бы для чисто практических целей работы с текстом.

Таков же вопрос о знаке и значении. Например, Х. Вольф приступает к формально-онтологическому рассмотрению знака как вещи, ибо «знаком называется сущность, из которой делается вывод о существовании, появлении в будущем или предшествовании другой сущности». Г. Г. Шпет критикует онтологическое учение Вольфа о знаке так: «Вольф не увидел, что рационалистическая философия по существу есть философия герменевтическая» [Там же, с. 223]. Иными словами, нельзя просто переносить на слово то, что можно сказать о знаке вообще. Но ученик Вольфа, Г. Мейер, успешнее показывает ту связь, через которую учение о знаке вводится в онтологию, определяя знак как один из источников познания действительности обозначаемых вещей и точнее указывая то место, к которому в онтологии должно относиться учение о знаке. Наука об изучении знака делится Мейером на две части: 1) ответ на вопрос «как должно обозначать вещь» и 2) поиск ответа на вопрос: «как по знаку узнавать значение?» Последнее, по Г. Г. Шпету, и есть герменевтика.

Г. Мейер высказывает идею всеобщей герменевтики, которая должна рассматривать правила, необходимые для истолкования всех или большинства знаков. Г. Г. Шпет особенно высоко оценивает толкование Г. Мейером герменевтики как самостоятельной дисциплины, для чего тот усматривает принципиальную онтологическую почву.

Представляется оправданным утверждать, что спустя полтора века после Мейера русская философия дала убедительное решение этих вопросов. Особенно велик вклад Г. П. Щедровицкого [8-10], на основе которого созданы современные школы российской герменевтики, в частности, Тверская (основатель - проф. Г. И. Богин) и Пятигорская (В. П. Литвинов).

Разбирая учения о герменевтике XIX века, Г. Г. Шпет пишет о грозной тенденции, уничтожающей саму герменевтику и все ее проблемы. Увлечение определением места, характера, вообще условий появления самого источника или исторического документа оттесняет на второй план вопрос о понимании самого источника. Отметим, что эта проблема остается и по сей день, но, на наш взгляд, глубокое внимание к филологии может защитить от этой ошибки: таково, например, понятие «вертикального контекста» и «фоновых знаний» в современной российской и зарубежной стилистике [3]. Необходимо социально-адекватное усмотрение их места и роли как части контекста, на котором разворачивается текст. Социальная адекватность понимания (термин Г. И. Богина [1]), в свою очередь, является аспектом культуры понимающего. Но категория социальной адекватности понимания появится позже, в 70-х годах XX века, в России.

Г. Г. Шпет подробно разбирает все известные ему учения по герменевтике, делая вполне обоснованные, весьма осторожные выводы. Подчеркнем, что фундаментальных, систематизирующих выводов у него нет. Веря в философию как в «строгую науку», вслед за своим учителем Э. Гуссерлем, Г. Г. Шпет, вероятно, полагал, что дальнейшее научное исследование проблем герменевтики даст их исчерпывающую трактовку. Через полвека после работы Г. Г. Шпета появилась плодотворная проработка этих проблем в русской филологии и филологии, но эффективное решение достигается там, где философия, филология, культурология и психология не теснят друг друга в своем сотрудничестве.

Обратим внимание, что за исключением А. С. Лаппо-Данилевского, все остальные работы, на материале которых Г. Г. Шпет проводит разбор проблем герменевтики, принадлежат перу западных, преимущественно немецких философов. Г. Г. Шпет был глубоко впечатлен лекциями Э. Гуссерля, которые слушал в Германии, однако не стоит преувеличивать этот аспект: как известно, основатель славянофильства И. В. Киреевский слушал лекции Гегеля в Берлине, А. Ф. Лосев также слушал лекции Э. Гуссерля, переписывался и поддерживал дружбу с ним. В. В. Зеньковский с горечью замечает, что «Шпет и не догадывался, что замысел Э. Гуссерля о философии как “строгой науке” обречен на неудачу... Но удивляться тому, что Шпет с увлечением поверил в философию как “строгую науку”, не приходится, раз для его антиметафизических выпадов основание лежит в презрении к христианству... Нельзя не сказать, что от этого самодовольного погружения в “имманентное” бытие веет неспособностью выйти за пределы самого себя... Гораздо плодотворнее и глубже гуссерлианство проявилось у другого русского мыслителя, который связал гуссерлевскую феноменологию с гегелевской диалектикой» [2, с. 424-427], писал В. В. Зеньковский, имея в виду А. Ф. Лосева. Также Г. Г. Шпетом не была создана методология понимания истории, что, с другой стороны, объясняется последовавшими драматическими событиями в судьбах российского государства и трагической судьбой (и мученической смертью) самого Г. Г. Шпета.

Несмотря на отсутствие ряда выводов (которых читатель вообще-то вправе ожидать) в работе Г. Г. Шпета, отметим, что целостность методологии, являющаяся важнейшим онтологическим условием смыслообразования, не исключает возможности гносеологического переосмысления и трактовки отдельных составляющих самой герменевтической методологии. В первую очередь это относится к самому феномену языка, а также интерпретации, отношению текста и контекста, национальным формам рефлексии. Глубочайшие проработки отдельных аспектов герменевтики, если рассматривать ее как методологический и культурологический комплекс, выполнены в одно время с работами Г. Г. Шпета такими мыслителями как В. В. Розанов, С. Л. Франк, А. Ф. Лосев, И. А. Ильин, С. Н. Булгаков и другими, что, в свою очередь, сделало возможным во второй половине XX века построение стройной, целостной методологии современной российской филологической герменевтики на основе разработок Г. П. Щедровицкого.

Список литературы

1. **Богин Г. И.** Субстанциальная сторона понимания текста. Тверь, 1993. 137 с.
2. **Зеньковский В. В.** История русской философии: в 2-х т. Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. Т. 2.
3. **Кухаренко В. А.** Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1988. 192 с.
4. **Розанов В. В.** О понимании. М.: Танаис, 1996. 808 с.
5. **Трубецкой С. Н.** Учение о Логосе в его истории // Трубецкой С. Н. Сочинения. М.: Мысль, 1994. 816 с.
6. **Шпет Г. Г.** Герменевтика и ее проблемы // Контекст-1989. М., 1989.
7. **Шпет Г. Г.** Герменевтика и ее проблемы // Контекст-1990. М., 1990.
8. **Щедровицкий Г. П.** Рефлексия // Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995.
9. **Щедровицкий Г. П.** Смысл и значение // Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995.
10. **Щедровицкий Г. П.** Схема системомыследеятельности: системно-структурное строение, смысл и содержание // Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995.

ABOUT SOME GNOSEOLOGICAL ASPECTS IN G. SHPET'S "HERMENEUTICS"

Boris Nikolaevich Sovakov, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Department of Classical and Social Sciences
Russian Legal Academy of Ministry of Justice of the Russian Federation (Branch) in Kaluga
bsovakov@mail.ru

The author presents the analytical review of the notional-categorical content of hermeneutics method in the idea and interpretation of the outstanding Russian philosopher G. Shpet, and shows the topicality of this thinker's works in the Russian philosophy overall context of the beginning of the XXth century for the solution of modern philosophical and philological hermeneutics problems.

Key words and phrases: philosophy; philology; hermeneutics; substantiality; understanding; interpretation; interpreting.

УДК 301:15

Для преодоления общего кризиса идентичности, с точки зрения автора, представляется целесообразным формулирование нескольких основных направлений в рамках стратегии поисков и обретения идентичности человеком в современном обществе: реализация концепции подлинного «Я»; формирование нового типа сознания как высшей формы отражения действительности, олицетворяемой новой информационной эпохой; сохранение в качестве преобладающих прежних традиций и традиционных ценностей; развитие в качестве первоначально-приоритетной духовной сферы жизни общества; конструирование новой информационной культуры личности и общества; активное использование глобальных информационных ресурсов и новых коммуникационных каналов в целях совершенствования коллективной (групповой) идентичности.

Ключевые слова и фразы: идентичность; кризис идентичности; концепция «Я-идентичности»; «информационное сознание»; стратегия поиска и обретения идентичности.

Илья Александрович Старостин
Кафедра истории философии
Воронежский государственный университет
starosteen@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ СТРАТЕГИИ ПОИСКОВ И ОБРЕТЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ
ЧЕЛОВЕКОМ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ[©]**

В обществе на современном этапе развития, подвергающемся поистине глобальным трансформациям посредством экономических, политических и социальных процессов как внутри самого социума, так и на уровне отдельно взятого индивида, складываются специфические условия, влияющие на динамику формирования и последующего экзистенциального бытия идентичности человека. В свою очередь, сама идентичность как «совокупность представлений человека о себе и о своём положении в обществе, тех ценностей и поведенческих моделей, которые формируются на основе отождествления себя с определённым культурным выбором и ролевыми функциями, с социальными институтами и отношениями» [1], выступает на передний план, являясь наиболее действенным способом представления личности в обществе.

Представители философской, социологической и психологической наук придерживаются единого мнения: в настоящее время человек зачастую оказывается в состоянии, при котором не может понять, кто он такой. На вопрос «Кто я?» даётся крайне невразумительный ответ: «Никто», «Не знаю», «Меня нет», «Не могу определить» и т.п. Соответственно, у него возникают трудности при выражении собственного мнения, им придаётся основополагающее значение точке зрения значимых других людей; человеку также сложно понять, что он